

Е.П. Мартынова

Тулский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
просп. Ленина, 125, Тула, 300026
E-mail: ep_martynova@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ

Рассматриваются изменения этничности обских угров в исторической динамике: с XIX в. до настоящего времени. До 1930-х гг. среди них доминировала микроэтничность. В годы социалистического строительства этнические сообщества обских угров оформились в два народа — хантов и манси. В постсоветское время на волне этнического возрождения появилась надэтничность — «коренные народы» или «аборигены».

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ, обские угры (ханты и манси), этничность, этнонимы, коммуникации, политика государства, социалистические преобразования, этническая мобилизация.

Введение

В 1990-е гг. в отечественной этнологии произошел разворот от исследования этносов к изучению этничности и этнической идентичности. На теоретическом уровне развернулись баталии между сторонниками примордиалистского и конструктивистского их понимания, которые в условиях методологического плюрализма сегодня все еще далеки от консенсуса. В то же время «все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими» [Тишков, 2001, с. 233]. При анализе многогранного феномена этничности примордиализм и конструктивизм могут быть взаимодополняющими концепциями. Как заметил А.В. Головнев: «Этничность — не косная традиция, а постоянно генерируемое явление... В зависимости от состояния элитных групп и внешних контактов этничность может нагнетаться, унифицироваться, рассеиваться, дробиться» [2012, с. 11]. Этническая идентичность формируется социальной средой и меняется в зависимости от внешних факторов. Современный подход к изучению этничности предполагает изучение ее изменчивости (дрейфа, сдвигов, процессуальности). Цель данной статьи — проанализировать проявления этничности у обских угров в разные исторические эпохи (традиционное общество, советская модернизация, постсоветский период демократизации). Автор уделяет внимание объяснению доминирования того или иного проявления этничности. В основу работы положены наблюдения автора во время экспедиций в Ханты-Мансийский автономный округ (1980–2000-е гг.) и сведения других исследователей, почерпнутые из публикаций.

«Люди одной реки» vs инородцы

Специалисты, занимающиеся изучением обско-угорских народов, всегда признавали вариативность их языков, хозяйства и культуры. Даже в работах, посвященных этнологическим исследованиям двух народов в целом, выделяется специфика отдельных групп. В многочисленных этнографических трудах (с конца XVIII в. и до современности) описаны, хотя и с разной степенью подробности, различия в хозяйстве, типах жилищ, одежде, пище, пантеоне, ритуалах и т.п. Е.А. Пивнева посвятила специальную работу анализу классификаций и идентичностей у этих народов [2011]. Учитывая такое разнообразие, видимо, правильнее говорить о нескольких этнокультурных обско-угорских общностях, расселенных по многочисленным обским и иртышским притокам.

Наряду с этнологами, языковеды отмечают значительные расхождения между диалектами хантыйского и мансийского языков. По их сведениям, в составе первого насчитывается свыше трех десятков отдельных диалектов, говоров или наречий (эти термины употребляются не дифференцированно), имеющих специфику в области фонетики, морфологии и лексики, которые объединяются в три большие группы диалектов [Хайду, 1985, с. 45]. В мансийском языке выделяются четыре диалектные группы, внутри которых — более десяти диалектов и говоров [Ромбандеева, 1989, с. 34]. Лингвисты отмечали, что расхождение внутри хантыйского и мансийского языков «настолько велико, что препятствует взаимопониманию представителей раз-

ных диалектов» [Народы Сибири, 1956, с. 571]. В силу этих обстоятельств не удалось разработать единые письменные нормы и сформировать единые литературные языки манси и хантов. Такие попытки предпринимались миссионерами конца XIX в. и советскими учеными 1930-х годов. В итоге была создана письменность для двух диалектов мансийского языка (северного и восточного), а учебная литература для хантов в разное время издавалась на шести диалектах [Напольских, 1997, с. 74, 80].

Для настоящей работы значение имеет то, как осознавали свою этничность люди, говорившие на разных диалектах и имевшие самобытные черты в хозяйстве и культуре? Специалисты знают, что в прошлом ханты и манси называли себя по рекам, в бассейне которых жили. В их идентификации главную роль играла принадлежность к людям определенной реки: казымский народ (*касум ёх*), юганский народ (*яун ях*), ляпинский народ (*сакхам махум*), сосьвинский народ (*тагт махум*) и т.д. [Мартынова, 1998, с. 208; Соколова, 2009 с. 26, 27]. Полевые материалы автора (и ряда других исследователей), собиравшиеся в конце XX в., свидетельствуют, что в прошлом единого самосознания ни у хантов, ни у манси не было. Так, юганские ханты не осознавали своего единства с войкарскими, а ляпинские манси — с кондинскими. Приведу типичное высказывание информантов. Например, сынские ханты говорили: «Аганские ханты — другой народ. Мы их не понимаем, т.к. язык другой. У них одежда отличается, орнамент другой». Среди разных форм самоопределения у обских угров на первом месте стояла локальная этничность (микроэтничность, по А.В. Головневу). Она основывалась «на родстве (в значении философии и технологии близости, а не факта крови), распространяемом на обитаемое пространство в понятиях “родная земля”, “родина»» [Головнев, 2009, с. 48].

Чем же можно объяснить доминирование локальной этничности среди обско-угорского населения? С одной стороны, этничность является формой социальной организации культурных различий, что предполагает существование культурно отличительных групп и форм идентичности [Этнические группы и социальные границы, 2006, с. 15–16; Тишков, 2003, с. 60, 61]. Она основывается на групповых взаимоотношениях, т.е. на самоидентификации и идентификации других [Hutchinson, Smith, 1996, p. 4; Tonkin et al., 1996, p. 21–23]. Например, осознание себя как «казымцев» (*касум ёх*) у населения бассейна р. Казым происходило через сопоставление с другими группами хантов, по-иному разговаривающих, носивших отличающуюся одежду и т.п.

С другой стороны, этнические границы определяются интенсивностью связей внутри группы. А.В. Головнев заметил, что объем устойчивых (бытовых) взаимосвязей обуславливается особенностями хозяйственного цикла и совпадает с границами распространения диалектов в обско-угорской среде [1995, с. 78]. По мнению Е.В. Переваловой, насыщенность разного рода общения (хозяйственно-бытового, торгово-обменного, культово-ритуального и т.д.) служила основой формирования локальных групп у хантов [2004, с. 211]. Традиционные способы жизнеобеспечения обских угров (рыболовство, охота, оленеводство) предполагали интенсивное общение в пределах бассейна реки (обского или иртышского притока). В хозяйственно-экономической сфере контакты сводились к совместному использованию рыболовных угодий в русле Оби жителями притока и торгово-обменным связям между оленными и рыболовецкими семьями, часто родственными. Добавим к сказанному, что в территориально-поселенческом отношении размещение обско-угорского населения было дисперсным, что не могло не сказаться на плотности контактов и неразвитости «дальних» связей.

«Люди одной реки» имели определенную генеалогическую структуру, которая включала несколько родовых подразделений, географически привязанных к определенным селениям. Локальная этническая самоидентификация усиливалась представлениями об общности происхождения. Важным представляется и ее религиозное оформление. У каждой локальной группы был дух-покровитель, который считался хозяином реки и «отвечал» за благополучие людей, проживающих в ее бассейне. К нему регулярно обращались за помощью, устраивая церемонии жертвоприношения, которые собирали вместе мужчин из разных селений. Поклонение одному божеству не только способствовало поддержанию чувства единства между членами группы, но и формированию представлений о «родстве» по духу-покровителю¹.

Если «внутри» обско-угорского этнокультурного определяющим было локальное проявление этничности («люди одной реки»), то «извне» фиксировались иные обозначения. В официальной лексике XIX в. (после принятия Устава 1822 г.) чаще всего использовался термин «инородцы».

¹ Подробнее о родстве по духу-покровителю см.: [Перевалова, 2004, с. 240–242].

Наряду с ним в документах, публицистике и научной литературе употреблялись этнонимы «остяки» и «вогулы». О том, как российские власти различали подданных, можно судить по материалам учета населения Российской империи, т.е. по ревизским переписям, которые велись по волостям — низшим административным единицам. Обско-угорское население в разные годы именовалось «крещеные остяки/вогулы», «ясашные остяки/вогулы», «бродячие остяки», «ясашные инородцы», «инородцы». Очевидно, что власти не интересовались точной этнической дифференциацией плательщиков ясака, во внимание принимались не столько культурно-языковые характеристики, сколько социальный статус — ясашные, инородцы. Соотнесение с этнической общностью остяков или вогулов было вторичным. В материалах переписи населения 1897 г. жители Северного Приобья были учтены как инородцы с отнесением к остякам или вогулам. Можно утверждать, что в официальном дискурсе определяющей была социально-статусная идентичность.

Обско-угорское общество, оставаясь традиционным, изменялось под воздействием внешних факторов (или магистральной культуры, по А.В. Головневу). Промысловое хозяйство в значительной степени было товарным уже в XIX в., поскольку рыба и пушнина являлись важнейшими статьями в сибирской торговле. Торговые связи обско-угорского населения ориентировались вовне, т.е. на русских перекупщиков и купцов. Авторы рубежа XIX–XX в. констатировали весьма заметные перемены в инородческом быту под влиянием торговых контактов с русскими: многие традиционные вещи вышли из употребления, на смену им пришли покупные одежда, обувь, утварь. В процессе начавшейся во второй половине XIX в. модернизации наметилось постепенное стирание культурных барьеров между разными этническими группами за счет бытовых изменений «на русский лад» и усвоения новых стандартов поведения. Можно предположить, что в случаях контактов с русскими (внешними по отношению к обским уграм), остяки и вогулы редко заявляли о своей локальной этничности. При подобном общении они, скорее всего, обходились более общей констатацией — остяк/вогул. В свою очередь, для русских они также были либо остяками, либо вогулами².

Нивелирование этничности

Революция 1917 г. и последовавшие за ней социалистические преобразования привели к существенным изменениям во всех сферах жизни страны и коренного населения в частности. Административно-правовые изменения на Тобольском Севере начались с формирования в 1926–1927 гг. родовых и туземных советов. Они создавались по принципу «матрешки»: низовые юртовые, родовые и ватажные объединялись в районные туземные со своими исполкомами, а последние подчинялись одному из районных. В Тобольском округе были сформированы восемь райтузсоветов: Казымский, Сосьвинский, Карымский, Сынский, Шурышкарский, Угот-Юганский, Тром-Юганский, Балыко-Пимский [Судьбы народов..., 1994, с. 158]. Новое административное размежевание соответствовало локальным этническим группам обских угров. Возможно, такое совпадение объяснялось тем, что районирование проходило после проведения Приполярной переписи 1926–1927 гг., которую этнографы считают фундаментально подготовленной и детальной (дошедшей до каждого хозяйства) [Карлов, 2010, с. 405]. Таким образом, в первое десятилетие советской власти локальная этничность сибирских угров получила официальное признание на уровне районных туземных советов. Многие историки и этнографы положительно оценивают их создание и деятельность, поскольку в глазах аборигенов они были преемниками прежней системы управления через инородческие управы, но без старшин и «князцов». Вместе с тем нужно отметить, что в создании тузсоветов усматривается важная черта национальной политики большевиков — стремление создать этнически очерченные территории (территориализация этничности). Среди населения по-прежнему оставалась актуальной локальная этничность. В качестве подтверждения сошлемся на заявление жителей юрт Мозянских и Рыбацких Березовского района в Комитет Севера от 18 июня 1928 г.: жалоба на местную власть была подана от имени «казымского народа» [Судьбы народов..., 1994, с. 154].

По образному выражению Е.В. Переваловой, «ползущая» советизация 1920-х гг. сменилась в 1930-е «галопирующей» [2019, с. 155]. В 1931 г. был создан Остяко-Вогульский округ (в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийский), а в 1932 г. построенные по этническому принципу туземные советы и районы были заменены территориальными. Новые 49 советов, хотя и назывались «национальными», были созданы для всего населения, а не для «народностей» Севера, что озна-

² В.А. Тишков обратил внимание на то, что «внешние представления о группе имеют тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при характеристике групп» [2001, с. 230].

Метаморфозы этничности обских угров

чало полный разрыв с институтами инородческого управления досоветской эпохи. С 1932 г. в официальных документах наряду с распространенными прежде терминами «туземцы», «туземные племена», «малые народности Севера» начали употребляться этнонимы «ханты» и «манси».

Кардинальные изменения происходили в экономике округа. Создавалась промышленность: строились кирпичные заводы, лесопильные предприятия, рыбоконсервные комбинаты; в сельском хозяйстве организовывались животноводческие колхозы и совхозы, молочные фермы. Конечно, они не сразу затронули коренное население. Но менялась жизнь территории, новшества коснулись и аборигенов. Началось трудоустройство их представителей на советских предприятиях, хотя до конца 1950-х гг. большая часть хантов и манси оставалась занятой в секторе традиционных отраслей хозяйства.

Вскоре начался идеологический натиск на народы Севера, ярко проявившийся в кампаниях по борьбе с шаманизмом и в культурной революции [Перевалова, 2019, с. 155]. Развернулась работа по созданию письменности на родных языках. В округе появилась целая сеть школ: первой ступени, семилеток, лесопромышленных, промысловой молодежи; открылись педагогический, медицинский, оленеводческий, рыболовный техникумы, организовывались различные хозяйственные курсы. Во все учебные заведения активно привлекалась туземная молодежь. Для повышения идеологического уровня и коммунистического воспитания коренных народов проводились курсы туземного актива, открывались «красные уголки», избы-читальни. Особенно большие надежды возлагались на культбазы (Сосьвинскую и Казымскую), которые являлись комплексными медицинскими, образовательными и культурно-просветительскими учреждениями по обслуживанию северных народов и распространению среди них советских черт быта. Широкомасштабная культурная революция должна была «заменить все устаревшие традиции, верования и обычаи цивилизованными нормами поведения и новой научной идеологией» [Слезкин, 2008, с. 255]. Все перечисленные выше действия и меры наглядно демонстрировали ассимиляторскую стратегию советской власти по отношению к народам Севера.

В 1950-х — начале 1980-х гг. государственная политика по отношению к коренным народам Севера была направлена на их интеграцию в единую советскую семью народов. В хозяйственной сфере это проявлялось в кампании по переводу на оседлость (началась в конце 1930-х гг.), переходе к сельскохозяйственным работам в поле или на ферме вместо традиционных рыболовства, охоты, оленеводства. Так называемое укрупнение вызвало значительные перемещения населения внутри территории расселения обских угров и привело к появлению больших по численности поселков (Шеркалы, Сосьва, Лямино, Угут, Варьеган и т.д.). Это нарушило традиционную систему расселения хантов и манси по локальным и генеалогическим группам. Разительные перемены происходили в быту: переезд во вновь построенные типовые дома, ношение покупной одежды, покупка населением бытовой техники, телевизоров, холодильников и т.п. Самобытная материальная культура повсеместно вытеснялась промышленно произведенными советскими товарами.

Начался отток коренного населения в быстро растущие города округа, появившиеся на волне нефтегазового освоения. В свою очередь, в крупные поселки увеличился приток мигрантов, они стали многонациональными. В результате значительно увеличилось число межэтнических браков. Смешанные браки нередко приводили к смене этничности, так как потомки от таких браков предпочитали выбирать русскую национальность. Среди поселковых и городских групп хантов и манси происходили существенные сдвиги в системе коммуникаций, ментальных ориентирах и поведенческих стратегиях, особенно среди молодежи. По мере утверждения общесоветских стандартов жизни и приближения к социальной (в том числе этнокультурной) однородности этничность все больше и больше нивелировалась. Она стала ассоциироваться лишь с записью в паспорте. Традиционная локальная этничность стала забываться. Многие представители молодого и среднего поколения хантов и манси не проявляли интереса к собственной этноистории, генеалогии, дистанцировались от самобытной культуры и обычаев. Все это воспринималось как устаревшее и ненужное в современной жизни.

Одновременно менялось языковое сознание обских угров. Советская языковая политика предполагала переход на русский язык как язык межнационального общения. В результате школьной реформы 1958 г. в смешанных по национальному составу селениях округа билингвизм стал заменяться русскоязычием. Информанты вспоминали, что в 1960–1970-е гг. незнание русского языка становилось поводом для насмешек. Тот, кто говорил по-русски не очень хорошо, считался необразованным. Характерной чертой поведения было то, что в присутствии

русских неприлично говорить на родном языке, дескать «могут говорить непристойности о нем, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт долго сохранялся в сознании. Происходила стигматизация малочисленных народов. В годы победившего социализма русская доминирующая культура воспринималась как передовая, а традиционная культура северян — как отсталая. Нередко можно было наблюдать высокомерно-пренебрежительное отношение к хантам и манси со стороны русскоязычных односельчан.

На фоне таких существенных перемен проходила интеграция обско-угорского населения в советское общество и одновременно — консолидация разных локальных этнических групп обских угров в два народа — ханты и манси. Мысль о том, что их окончательное оформление произошло лишь в XX в., уже высказывалась угроведами [Федорова, 1999, с. 63, 64]. Название округа «Ханты-Мансийский» сыграло немаловажную роль в закреплении в сознании населения хантыйской или мансийской этничности. Е.А. Пивнева совершенно справедливо поставила вопрос: «И кто знает, какая этническая идентичность была бы у современных хантов и манси, если бы созданный в 1930 г. национальный округ назвали, например, «Югорским»? [2011, с. 59]. Нужно иметь в виду, что в СССР этничности придавалась официальное значение, ее регистрировали в паспортах. Да и во многих других документах обязательно требовалось указание национальности. Такой юридическо-психологический момент, безусловно, оказывал существенное влияние на этническое самоопределение населения страны. Запись в паспорте («хант» или «манси») оказалась важным фактором сдвига этничности от локальной к официальной. Определенную роль в закреплении такой этничности сыграли представители интеллигенции, получившие образование в Ленинграде в Институте народов Севера, где они считались представителями либо хантов, либо манси.

КМНС/коренные/аборигены

С началом перестройки дискурс о коренных народах резко изменился. Общественность узнала о «больших проблемах малых народов»: развале традиционных отраслей хозяйства, упадке колхозов и совхозов, экологических проблемах в местах их проживания, ухудшении благосостояния и люмпенизации жителей поселков. В ходе обсуждения этих актуальных проблем активно проявили себя лидеры из коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа. Они оказались в первых рядах борцов за демократию, права народов, а вскоре смогли продемонстрировать восприимчивость к западным ценностям и высокую адаптивность к рыночным отношениям [Перевалова, 2019, с. 241]. В какой-то степени этнолидеры находились в оппозиции государству, что отвечало целям осознания общности интересов коренными народами и мобилизации этничности, в ряде случаев выходящей за пределы региона и страны [Duck, 1985, p. 57; Pain, 1985, p. 1–18].

В постсоветский период этничность хантов и манси, «уснувшая» в советские годы, внезапно и громко «пробудилась», превратившись в мощный созидательный фактор. Обско-угорская этническая мобилизация развернулась в разных направлениях: решение вопросов землепользования и экологической безопасности в условиях интенсивного нефтегазового освоения, развитие оленеводства, создание родовых общин как особых органов хозяйствования и самоуправления, поддержка родных языков, возрождение традиционной культуры [Мартынова, 2019]. Мощное этнокультурное движение, развернувшееся в округе, изучено Е.А. Пивневой [2016]. Благодаря этой активной этновосстановительной и этнопросветительской деятельности изменился статус традиционных культур коренных народов Югры: если в советские времена они соотносились с определениями «отсталые», «периферийные», то в 1990-е гг. их начали называть «уникальными», «самобытными».

С конца 1980-х гг. в округе широкое распространение получил термин КМНС (коренные малочисленные народы Севера). Прилагательное «коренные» подчеркивало привязанность к земле и соответствовало идее этнолидеров о защите прав на территории от экспансии промышленных компаний для развития традиционных отраслей хозяйства. Помимо этого, он предполагал ряд преимуществ, гарантированных законом (льготы при получении жилья, в образовании, денежные компенсации). Принадлежать к КМНС стало настолько привлекательным, что это привело к росту численности. Приведу показательный пример. В 2002 г., при работе в архиве Березовского района ХМАО со статистическими показателями, выяснилось, что с 1988 по 1993 г. численность КМНС района варьировалась в пределах 2900–3200 чел. В 1994 г. их насчитывалось уже 6100, а в последующие годы — около 6100–6300 чел. Такой рост числа абори-

Метаморфозы этничности обских угров

генов (в два раза!) значительно выше возможностей естественного воспроизводства населения. Новые манси и ханты появились за счет того, что потомки от смешанных браков сделали выбор в пользу аборигенной национальности. Кроме этого часть взрослого населения прошла через процедуру изменения записи в «пятой графе» паспорта.

В итоге процессов этнического и религиозного возрождения 1990-х гг. в современной Югре сформировались разные уровни идентичности коренных народов, которые манифестируются при определенных обстоятельствах. Первый уровень — это надэтничность «коренные» или «аборигены». Она появилась на волне общественного подъема, когда феномен «коренных народов» стал важным инструментом в политике округа (и других регионов страны, где они проживали). Термины «КМНС», «аборигены», «коренные» прозвучали (и продолжают звучать) в общественных дискуссиях и науке. Распространению надэтнической идентичности в немалой степени способствовали международные связи (общественно-политические и научные), установленные общественными активистами, деятелями науки и культуры с представителями родственных финно-угорских народов (Венгрия, Финляндия, Эстония) и индейцами (США, Канада). Для людей такая надэтничность важна, когда они сталкиваются с необходимостью защитить свои права. Например, при получении квартиры или распределении рыболовных квот. Второй уровень — официально принятая этническая идентичность, которая отражается в этнонимах «ханты», «манси» или «ненцы». Ее репрезентации уделяется большое внимание в этнокультурной политике округа (проведение праздников, фестивалей, деятельность фольклорных коллективов и т.д.). Наконец, третий уровень — традиционная локальная этничность. Она не востребована официально, но остается актуальной для многих представителей хантов и манси, когда они обсуждают свои родословные, шьют традиционную одежду, участвуют в ритуалах.

Обско-угорская этничность менялась во времени. Порожденная конкретными природно-географическими условиями локальная микроэтничность длительное время уживалась с официальной сословной. В советские времена локальные идентичности постепенно вытеснялись общепринятыми названиями «ханты» и «манси». Постсоветская дестигматизация коренных народов Севера привела к множественности форм их самоопределения.

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сборник документов. Тюмень: ГАТО, 1994. 319 с.

Литература

- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Головнев А.В.* Дрейф этничности // УИВ. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
- Головнев А.В.* Этничность: Устойчивость и изменчивость: (Опыт Севера) // ЭО. 2012. № 2. С. 3–12.
- Карлов В.В.* Народы Северо-Восточной Евразии в XIX и XX вв. М.: КДУ, 2010. 476 с.
- Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН, 1998. 235 с.
- Мартынова Е.П.* Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 268 с.
- Народы Сибири / Ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
- Перевалова Е.В.* Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УРО РАН, 2004. 414 с.
- Перевалова Е.В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
- Пивнева Е.А.* «Мы одни, но все мы разные»: Об обских уграх, классификациях и этничностях // УИВ. 2011. № 2 (31). С. 57–62.
- Пивнева Е.А.* Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 8–89.
- Ромбандеева Е.И.* Мансийский язык. Л.: Просвещение, 1989. 240 с.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Соколова З.П.* Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Тишков В.А.* Этнология и политика: Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Федорова Е.Г. Обские угры: Вехи этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского: (Очерки этнической истории). СПб.: Европейский дом, 1999. С. 5–68.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культур: Сб. статей / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. М.: Нов. изд-во, 2006. 200 с.

Dyck N. Aboriginal Peoples and Nation-States: An Introduction to the Analytical Issues // Indigenous Peoples and the Nation-State: «Fourth World» Politics in Canada, Australia and Norway. Newfoundland: Institute of Social and Economic Research Memorial University of Newfoundland, 1985. P. 5–26.

Hutchinson J., Smith A.D. Introduction // Ethnicity. N. Y.: Oxford University Press, 1996. P. 3–14.

Paine R. The claim of the Fourth World // Native Power. Oslo, 1985. P. 53–69.

Tonkin E., McDonald M., Chapman M. History and Ethnicity // Ethnicity. N. Y.: Oxford University Press, 1996. P. 24–28.

E.P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
prosp. Lenina, 125, Tula, 300026, Russian Federation
E-mail: ep_martynova@mail.ru

Metamorphoses of the Ob-Ugric ethnicity

Modern approach to the study of ethnicity implies examination of its variability (drift, shifts and procedurality). This paper aims at the analysis of manifestations of ethnicity amongst the Ob-Ugrians in different historical periods (traditional society, Soviet modernization and post-Soviet democracy). The author draws attention to explaining dominant role of one or another manifestation of ethnicity. The work is based on author's observations made during the expeditions in the Khanty-Mansiysk Okrug (1980s-2000s) and publications by other researchers. Prior to the 1930s, the Ob-Ugric population was represented by a family of related languages and local ethnic groups with close cultures. The main factor of their self-identity was local ethnicity – names by a river. 'People of the same river' were bound by commercial, exchange and cultural-ritual bonds. In the official records, the Russian government registered, in the first place, social status of the indigenous population, calling its people 'inorodtsy' ('non-Russians') and 'yasashnye' ('tributary'). Socialist transformations in the socio-economical, cultural and ideological spheres marked the beginning of the assimilation policy with respect to the peoples of the North. As the all-Soviet standards of living were adopted, and social (including ethnocultural) uniformity achieved, ethnicity of the Ob-Ugrians continuously leveled out. At the same time, their ethnic identity was largely influenced by recording their nationality in the passports – Khanty and Mansy, coincident with the name of the okrug. In the post-Soviet period, ethnicity of the Khanty and Mansy, 'hibernated' during the Soviet time, 'woke up' suddenly and loudly turning into a powerful creational factor. The ethnic mobilization unwrapped by the initiative of ethnic leaders significantly raised the status of the ethnic culture and people themselves. As a result, three levels of identity emerged. The first level is trans-ethnicity of 'natives' or 'aborigines', which is an important political instrument. The second level is official ethnic identity, which is reflected in the ethnonyms 'Khanty', 'Mansy' and 'Nentsy'. Its representation in the ethnocultural politics of the okrug (organizing celebrations and festivals, folk group activities etc.) is given a high attention. Lastly, the third level is the traditional local ethnicity.

Key words: Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), ethnicity, ethnonyms, communications, state policy, socialist transformations, ethnic mobilization.

Funding. The article was supported by the RFBR for the project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks».

REFERENCES

Barth F. (Ed.) (2006). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Translation from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (Rus.).

Dyck N. (1985). Aboriginal Peoples and Nation-States: An Introduction to the Analytical Issues. In: *Indigenous Peoples and Nation-State: «Fourth World Politics in Canada, Australia and Norway»*. Newfoundland: Memorial University of Newfoundland, 45–52.

Fedorova E.G. (1999). Ob Ugrians: Milestones in Ethnic History. In: *Narody Sibiri v sostave Gosudarstva Rossiiskogo: (Ocherki etnicheskoi istorii)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 5–68. (Rus.).

Golovnev A.V. (1995). *Talking Cultures: Samoed and Ugrian Traditions*. Ekaterinburg: Uralskoe otdelenie RAS. (Rus.).

Golovnev A.V. (2009). Ethnicity Drift. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 25(4), 46–55. (Rus.).

Метаморфозы этничности обских угров

- Golovnev A.V. (2012). Ethnicity: Sustainability and Changeability: (the Case of the North). *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 3–12. (Rus.).
- Hutchinson J., Smith A.D. (1996). Introduction. In: *Ethnicity*. New York: Oxford University Press, 3–14.
- Karlov V.V. (2010). *Peoples of North-Eastern Eurasia in the XIX and XX centuries*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Khaidu P. (1985). *Ural Languages and People*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Levin M.G., Potapov L.P. (Ed.) (1956). *People of Siberia*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Martynova E.P. (1998). *Essays on the History and Culture of the Khanty*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (Rus.).
- Martynova E.P. (2019). Ob-Ugric Ethnic Mobilization. *Vestnik ugrovedeniya*, 9(2), 363–372. (Rus.).
- Napol'skikh V.V. (1997). *Introduction to Historical Uralistics*. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN. (Rus.).
- Paine R. (1985). The claim of the Fourth World. In: *Native Power*. Oslo, 53–69.
- Perevalova E.V. (2004). *Nothern Khanty: Ethnic History*. Ekaterinburg: Uralskoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Perevalova E.V. (2019). *Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Authority*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2011). «It's the Same us, but we are all Different»: About the Ob Ugrians, Classifications and Identities. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 31(2), 57–62. (Rus.).
- Pivneva E.A. (2016). Institutions and Practices of Ethno Recovery among the Peoples of Western Siberia (based on the Ob-Ugric Materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 43(5), 85–89. (Rus.).
- Rombandeeva E.I. (1989). *Mansi Language*. Leningrad: Prosveshchenie. (Rus.).
- Slezkine Yu. (2008). *Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A View from the XXI Century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2001). *Ethnology and politics: Scientific journalism*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2003). *Requiem for Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tonkin E., McDonald M., Chapman M. (1996). History and Ethnicity. In: *Ethnicity*. New York: Oxford University Press, 24–28.

Мартынова Е.П., <https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020